УДК 39

DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507

«Моя бабушка курит трубку...»

Татьяна Исаевна Шараева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)-

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* В повседневной и обрядовой практике калмыков курение табака было широко распространено до середины XX в. Ранее эта тема не была предметом исследования, что определяет ее актуальность. Поэтому *целью* статьи является рассмотрение истории распространения табака, изучение особенностей курительных принадлежностей, выявление повседневных и обрядовых практик, связанных с табакокурением, анализ сложившихся представлений, связанных с процессом курения, курительными принадлежностями и этикетом у калмыков. *Методы.* В исследовании применялись синхронно-диахронный, описательный, сравнительно-функциональный, сравнительно-сопоставительный и семантический *методы*. В *результате* исследования были сделаны выводы, что калмыки познакомились с табаком в XVI – начале XVII в.; функциональность табакокурения в повседневной и обрядовой практике традиционного калмыцкого общества была связана с народными способами лечения, коммуникативным поведением и гостевым этикетом, являлась одной из форм единения родового коллектива; взаимосвязана с символикой очага и культом предков. В настоящее время традиционные способы употребления табака не практикуются, поэтому утрачена традиция изготовления курительных принадлежностей.

Ключевые слова: калмыки, табак, курительные принадлежности, табаководство, символика очага, гостеприимство, этикет

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: AAAA-A19-119011490038-5).

Для цитирования: Шараева Т. И. «Моя бабушка курит трубку...». Монголоведение. 2019; (3): 479-507. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507.

UDC 39

DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507

‘My Grandmother Smokes a Pipe...’

Tatyana I. Sharaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

Abstract. Introduction. In everyday and ceremonial practices of the Kalmyks, tobacco smoking remained widespread till the mid-20th century. The topic has not been scientifically explored, which makes it relevant enough. *Goals.* So, the work seeks to historically examine the dissemination of tobacco among the Kalmyks, investigate peculiarities of smoking accessories, illustrate some everyday and ceremonial tobacco-related practices, analyze the established ethnic representations dealing with tobacco smoking, requisites and etiquette. *Methods.* The research employs the synchronous/diachronous, descriptive, comparative/functional, comparative/contrastive, and semantic methods. *Results and Conclusions.* The paper concludes the Kalmyks became familiar with tobacco in the 16th – early 17th centuries; in everyday and ceremonial practices of Kalmyk society, tobacco smoking was functionally related to folk healing, communicative behavioral, and guest etiquette patterns, serving as a means to unite members of one clan, with its certain ties to the symbol of hearth and cult of ancestors. For the time being, traditional tobacco smoking techniques have passed out of use, which resulted in the loss of respective smoking accessories manufacturing traditions.

Keywords: Kalmyks, tobacco, smoking accessories, tobacco growing, symbol of heath, hospitality, etiquette

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Sharaeva T. I. ‘My Grandmother Smokes a Pipe...’. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 479-507. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507.

Еще в середине 80-х гг. XX в. нередкой была картина: удобно расположившись и достав из своего кисета, который она всегда хранила в своем кармане, калмычка-бабушка начинает жевать табак. Вернее, махорку¹. Нередко и посиделки бабушек на лавочках проходили с неизменным обменом махоркой: «на, попробуй, этот мягче на вкус, его легче жевать, мне его родственники привезли, когда приезжали (или другой вариант: мне его дети достали), не залежалый». Под использованную махорку выделяли какую-нибудь емкость, чаще — маленькую баночку. Она всегда стояла «припрятанной» в укромном месте (под кроватью, за спинкой дивана, между шкафами, под тумбой и т. д.), рядом с которым чаще всего любила сидеть бабушка. В сельской местности наблюдалась и иная практика: баночку ставили возле печи, чтобы потом при ее розжиге сжечь использованную махорку. Либо содержимое баночки выбрасывали где-нибудь в укромных углах хозяйственных построек (*хашиан иргд*). В городских условиях использованную махорку тоже высыпали в укромных местах, чаще под дерево, но никогда — вместе с бытовым мусором.

¹ Махорка — одна из разновидностей табака, однолетнее растение, вид травянистых растений из подрода «Деревенский табак» рода «Табак» семейства Пасленовых.

В те же годы, отправляясь в гости в дом, где жили старики, калмыки несли обязательный «гостевой набор», чтобы выразить в традиционной форме уважение и почтение представителям старшего поколения: масло, пачку чая (особый шик, если индийский, «со слонем»), бутылку лучшей «беленькой» водки (объемом 0,5–0,7 л. или 0,25 л. — «чекушку») из ассортимента «советского продмага», сладости. Часто в этом наборе присутствовали пачка сигарет или пачка махорки, особенно, если точно знали, что дедушка курит или бабушка жует табак.

В кризисные 1990-е гг. махорка практически исчезла. Приверженцы жевания махорки стали выходить из положения, разбирая сигареты, например «Приму» и «Астру», и ссыпая табак для использования.

Большинства тех, кто родился в начале XX в., уже нет с нами, с ними практически исчезла традиция жевания табака. Современные бабушки являются поколением родившихся в середине XX в., выросшие в иных бытовых условиях, в период активных культурных преобразований и борьбы за здоровый образ жизни, воспитанные советской идеологией, поэтому они не практикуют жевание табака.

Почему практика жевания табака была распространенной среди женщин, чьи рождение и активные годы жизни выпали на первую половину XX в.? И почему это делали женщины, а не мужчины? Почему практически не сохранились курительные трубки? Какое место и роль занимал табак в повседневной и обрядовой практике у калмыков и в какой период развития их этнической истории и культуры?

Отсутствие исследований, связанных с практикой табакокурения у калмыков, является обоснованием выбранной темы для исследования и определяет ее актуальность.

Цель статьи — рассмотрение вопросов распространения табака у калмыков, значение и функциональность табакокурения в повседневной и обрядовой практике у калмыков в различные периоды их этнической истории и культуры.

В нашем исследовании мы будем опираться на различные публикации по истории и традиционной культуре калмыков, в которых отражены некоторые аспекты данной темы. Это работы путешественников и исследователей быта калмыков в XVII–XIX вв., таких как П. С. Паллас, Н. В. Львовский, И. К. Костенков, а также современных исследователей: А. И. Карагодина, У. Д. Душана,

У. Э. Эрдниева, К. Э. Эрендженова и др. Для изучения и проведения сравнительно-сопоставительного анализа данных привлекались материалы по распространению табакокурения в регионах Сибири А. В. Харинского, А. В. Шаповалова, В. П. Дьяконовой, Е. Ю. Мятлевой, Б. Б. Дашибалова и других, что обусловлено этапами этнической истории калмыков.

Как отмечают исследователи, *«табак и его потребление давно стали всеобщим явлением в мировой культуре. Распространение табака, возникновение и закрепление определенных традиций его потребления у различных народов Евразии является интереснейшим культурным феноменом»* [Шаповалов 2000: 107].

С момента, когда Христофор Колумб привез табак в Европу в конце XV в., табак распространился за столетие практически повсеместно. Захватив к концу XVI в. всю Европу, табак распространился и в Азии. Основным его поставщиком в азиатском регионе долгие годы был Китай. По мнению А. В. Харинского, табак попал в Китай в XVI веке и был популярен в среде аристократии и знатных дам [Харинский 1995: 207–217]. Распространение табака в Сибири и Прибайкалье, где пройдя адаптивный период, он приобретает широкую популярность, многие исследователи относят к началу XVII в. По мнению же Ю. А. Купиной, основанному на анализе материалов о потреблении табака у коренных народов Северо-Восточной Сибири и Аляски, *«с табаком народы Сибири познакомились раньше, чем этот регион начали осваивать русские»* [цит. по: Беликова, Зинченко 2012: 93].

А. В. Шаповалов рассматривает китайскую и российскую версию проникновения табака в Сибирь: с начала напрямую из Китая с конца XVI в., позднее уже в XVII – начале XVIII вв. через русских казаков и торговцев, так как *«появление табака в Сибири происходило в контексте особых исторических условий... Важнейшими из них в данном случае были: постоянное присутствие в Сибири русского населения с его мощным постоянно возрастающим экономическим влиянием и политико-административным вмешательством; складывание общесибирского пушного рынка со сложным механизмом обращения товаров; изменение на протяжении XVII–XVIII вв. торговых путей, состава участников торгового обмена (речь идет прежде всего об устранении к середине XVIII в. бухарской торговли)»* [Шаповалов 2000: 114].

В России табаком торговали одновременно европейские и бухарские купцы. Табакокурение и торговля табаком активно распространились за короткий срок. Этот период важен для нашего исследования, так как в начале XVII в. ойратские группы (предки калмыков, далее — калмыки), продвигаясь из степей Центральной Азии через Сибирь на запад в степи Нижнего Поволжья, были втянуты в различные торговые отношения на своем пути, в том числе торговлю табаком. В связи с этим интересно описание, что в начале XVII в. тобольский воевода ежегодно высылал *«...вверх по Иртышу флот из сорока или более парусных судов в землю калмыков к Соленому озеру... москвитяне привозят с собой товары всякого рода, калмыки же в обмен предлагают рогатый и вьючный скот, свои сласти и китайский табак... кроме того, при этих торгах всегда присутствуют бухарские купцы»* [Титов 1890: 184–187].

По описанию меновой торговли в Сибири калмыки активно пользовались сибирскими рынками и рынками Бухары, Ургенча — в Средней Азии через бухарских купцов. Очевидно, что, когда калмыки пришли на территорию Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, они уже были знакомы с практикой табакокурения и использования надлежащих принадлежностей.

Основные материалы о табаке и практиках употребления табака в повседневной и обрядовой жизни у калмыков, зафиксированные в различных источниках, отрывочны и отражают в основном реалии жизни XVIII–XIX вв.; точных сведений относительно XVII в. нам не удалось обнаружить.

В описании путешествия П. С. Палласа в Калмыцкой степи в конце XVIII в. указано, что калмыки *«между собою обходительны и ласковы... всем делятся... если курят табак, едят или пьют, то все бывают участниками, как, например, осталась одна трубка табаку, то дает один другому курить»* [Паллас 1773: 459].

Калмыки табак употребляли без гендерных и возрастных разграничений. По данным Н. А. Нефедьева о быте калмыков, в зимнее время нередко можно было увидеть картину *«в коих главную сцену занимают маленькие дети, сидящие на цыпочках около огня нагие и только сзади чем-нибудь прикрытые, и вооруженные мослами и трубками»* [Нефедьев 1834: 106]. Эти сведения подтверждаются материалами описания быта калмыков в конце XIX в. Н. Львовским: *«табак курят все без исключения, начиная с грудных младенцев и*

кончая стариками. Еще грудного ребенка калмычка приучает к трубке. По временам она дает ему трубку вместо соски и тот по необходимости должен курить, вследствие чего с самого младенчества привыкает к табакокурению» [Львовский 1893: 31]. Возможно, что к такому способу прибегали, чтобы успокоить ребенка за счет расслабляющего воздействия табака на организм. Возможно, что и детям постарше разрешалось курить потому, что оно притупляло чувство голода как «неизменного спутника» суровых условий кочевой жизни со скудным питанием в течение дня.

Вместе с тем на повальное курение табака населением калмыцких улусов всех возрастов указывает и Я. П. Дуброва: *«из сравнительно невинных страстей следует отметить сильно развитую привычку табакокурения, которому предаются положительно все калмыки от мала до велика. Если нет табаку, то сосут чубук. Женщины курят гораздо более мужчин и в случаях недовольства на мужа первой и самой главной причиной выставляют, что он, варвар, не дает табаку»* [Дуброва 1998: 59].

Если в повседневном ритме женщины могли покурить между выполнением хозяйственных дел, то мужчины, в силу неравномерной хозяйственной занятости в течение дня могли себе позволить свободное времяпровождение: *«после завтрака подростки обоих полов отправляются к скоту, мужчины идут поить скот, очищать худуки, копать новые, или же отправляются по делу на сторону, оседлав лошадь, а не то сидят по кибиткам и курят трубки»* [Житецкий 1893: 35], *«особенно пожилые, имеющие лет за сорок, остаются в совершенной праздности: курят табак и бродят по соседним кибиткам»* [Нефедьев 1834: 118]. *Идр насн* ('зрелый возраст') в традиционном калмыцком обществе исчислялся после наступления сорока лет¹ и предоставлял определенные права, в том числе передачу части хозяйственных дел более молодым родственникам или сыновьям и дальнейший контроль над ними. Свободное время сорокалетний мужчина мог потратить на обсуждение различных хозяйственных и общественных вопросов с однохотонцами² (фото 1).

¹ Калмыки придерживаются лунно-солнечного календаря, включающего 12-летний малый цикл и 60-летний большой цикл. В традиционном возрастном исчислении у калмыков «век» составляет 60 лет.

² Хотон — поселение родственной группы.

*Фото 1. Калмык
с трубкой.
С. Вишнеvский. 1870 г.
[Photo 1. Kalmyk man
with a pipe. Photo by
S. Vishnevsky. 1870]*

Женщины же чаще всего могли курить либо после приема членами семьи пищи в течение дня, либо в промежутке для отдыха во время длительной работы, так как повседневно калмычки выполняли большой объем хозяйственных работ (фото 2).

*Фото 2. Калмычки
с трубками.
Конец XIX в.
[Photo 2. Kalmyk
women with pipes.
Late 19th c]*

Наиболее точно это нашло отражение в стихотворении «Наши бабушки курят трубки» М. Хонина, который был великолепным знатоком традиционного быта и устного народного творчества калмыков: «Поднимались все бабушки рано, / Даже жаворонок досыпал, / И спешили к коровам — чигяна / Вдоволь надо, чтоб вновь созрел; / И взбивали тут масло мутовкой, / И лепили кизяк для огня / С таганом обращались так ловко, / Между тем свою трубку куря... Если за день они приседали, / Из-

за пазухи трубку беря, ...Поздним вечером все ж отдыхали наши бабушки, трубку достав; / Трубку ту серебром украшали / Мастера в старину на заказ» [Хонинов 2008: 44–46] (фото 3).

Фото 3. Вдова чабана.

Картина художника

Д. Санджиева. 1981 г.

[Photo 3. The Shepherd's Widow.

Picture by D. Sandzhiev. 1981]

Традиция курения табака обусловила распространение курительных принадлежностей у калмыков: *ханз* ‘курительная трубка’, *кет* ‘огниво’, *түңгрцг* ‘кисет’.

Курительная трубка (*ханз*) состояла из *ханзин толһа* ‘чаши для табака’ (букв. голова трубки) и *ханзин сурул* ‘мундштука’, *ханзин бүркәсн* ‘крышки на чашу трубки’, *ханзин шигшлүр* ‘шпильки для прочистки трубки’. И шпилька-чистилка, и крышка прикреплялись к трубке цепочкой (*шүлзә*) (фото 4).

Фото 4 (из книги
К. Э. Эрендженова «Цецн булг»
[Эрендженов 1980: 45]): 1) короткий
мундштук
с костяным загубником (өөчүр);
2) мундштук; 3) шпилька для
прочистки трубки; 4) крышка для
чаши трубки; 5) цепочка;
6) чаша для табака.

[Photo 4 (reprint; original in: Erendzhenov K. The Spring of Wisdom (Kalm. *Tsetsen bulg*) [Erendzhenov 45]: 1) short cigarette holder with a bone bit (Kalm. *ööchür*), 2) stem, 3) cleaning pin, 4) bowl lid, 5) chain, 6) bowl]

Чашу для табака, чубук и мундштук обычно делали из дуба и клена. Крышка на чашу для табака была металлическая или кожаная «с двумя-тремя дырочками для отдушин» [Небольсин 1852: 54]. Металлическое украшение на трубке, которое крепили по краю чаши для табака, возле чубука, на мундштуке, называлось *ханзин цокар*. Трубка инкрустировалась мельхиором или серебром; орнамент, наносимый на металл приемами насечки, был растительным или геометрическим [Батырева 2006: 62]. Возможно, что такой способ украшения трубки был поздним влиянием мастеров Кавказа. Курительные трубки изготавливались мастерами или самостоятельно в домашних условиях. По форме и украшению трубки, мужской или женской, определяли родовую принадлежность владельца и его материальную состоятельность.

Мундштук у калмыцкой трубки в XIX в. был разной длины: на мужской трубке чаще коротким (около 10–15 см), на женской — длинным (около 20–35 см). Один конец мундштука крепился в чубуке, являвшемся проводником дыма от головки к мундштуку, другой — плавно заужен. Этот зауженный конец служил загубником. Короткий мундштук также делали из дерева и козлиного рога. Иногда к короткому деревянному мундштуку делали дополнительный загубник из козлиного рога *өөчүр*, который одним узким концом крепился к мундштуку, немного расширялся и изгибался в середине, и снова сужался к другому концу. По сведениям К. Э. Эрендженова, форма такого загубника послужила основой для тавра им, которое прокалывали домашним животным на ушах [Эрендженов 1980: 44]. Налет, образующийся после курения, назывался *ханзин батх* ‘никотин в трубке’. Объем табака, входившего в трубку на одно курение, назывался *ханз тэмк* [Пюрбеев 1996: 113–114].

Калмыцкое название курительной трубки *ханз* сходно с бурятским *ганза*, тувинским *данза*, хантов — *канса* и китайским *ганса* [Чыргалан 2019: 79; Беликова, Зинченко 2012: 101; Мятлева, Дашибалов 2011: 189], что указывает на знакомство и распространение табака через Китай, т. е. в XVI – начале XVII в. Подтверждение этому предположению может служить и форма курительной трубки. В Китае табак изначально относился к наркотическим средствам, поэтому практиковалось курение табака в небольших количествах, который засыпался в маленькую курительную чашу и выкуривался

через длинный прямой мундштук: «у них есть маленькие медные трубочки с отверстием величиной с половину скорлупы лесного ореха. Набить и выкурить такую трубочку, вследствие ничтожности приема, не представляет никакой опасности» [Титов 1890: 188]. С распространением табака в Азии, Сибири и Прибайкалье, стала меняться и форма курительных трубок, в первую очередь, из-за участия в торговле табаком бухарских купцов. Как считает А. В. Шаповалов, бухарцы уже в начале XVII в. практиковали водяное курение¹ и привнесли эту манеру в Сибирь из Средней Азии. Познакомившись с табаком от бухарцев, коренное население Сибири переняло соответственно и манеру его потребления, а также технику изготовления специфических курительных принадлежностей [Шаповалов 2000: 110]. Особенностью такой трубки была Г-образная форма: небольшая курительная чаша для табака, почти горизонтально к ней расположенный удлиненный чубук, длинный мундштук, один конец которого сужался. Водяным резервуаром служил рот курильщика. Такая же Г-образная форма посредством распространения табака в России была и у русских (фото 5.).

Фото 5. Курительные трубки народов Сибири (из статьи А. В. Шаповалова «Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв.») [Шаповалов 2000: 119].
[Photo 5. Smoking pipes of Siberian peoples (reprint; original in: Shapovalov A. Tobacco in Western Siberia: 17th – 18th cc.) [Shapovalov 2000: 119]

¹ Традиция эта появилась в Средней Азии и на Ближнем Востоке, именно там начали пропускать дым от курения конопли (гашиша), а затем и табака через воду, со временем для этого была сконструирована специальная трубка — кальян.

Позднее, в начале XVIII в., с уходом бухарских купцов из активной торговли в сибирском регионе, распространением черкесского табака и изменением формы курения (сухое курение) чаша трубки увеличилась в размерах, но общая форма курительной трубки осталась прежней. Калмыки к этому времени уже жили в степях Поволжья. Курительные трубки, которые стали традиционным культурным элементом у калмыков, до настоящего времени сохранили форму, характерную той, которая была распространена в Азии и Сибири в конце XVI – начале XVII в. Вопрос о том, практиковалась ли водяная форма табакокурения у калмыков в XVII в., остается открытым ввиду отсутствия каких-либо материалов.

В XIX в. мужчины-калмыки курили уже трубки с коротким мунштуком, с длинным — реже. Женщины как самая консервативная часть и приверженцы традиций курили табак из трубки с длинным мунштуком. К тому же способы ношения курительных принадлежностей у калмыков были различными с учетом гендерных различий и социального статуса. Курительную трубку и кисет с табаком мужчины могли носить в чехле за поясом: «...сзади за пояс закладываються: коротенькая трубочка, необходимая принадлежность каждого калмыка и калмычки; кисет с табаком...» [Небольсин 1852: 54].

Другой способ ношения указан И. А. Житецким: «у каждого мужчины есть трубка (‘кганза’) и кисет (‘түнгорцык’), которые держатся в кармане, или (трубка) за голенищем сапога; трубка составляет неотъемлемую принадлежность и женских вещей» [Житецкий 1893: 13]. Замужние женщины курительные принадлежности держали в кармане своей одежды, пояса они не носили. Девушки трубку и кисет с табаком «держат в кармане и там их наглухо прячут» [Небольсин 1852: 58] или за поясом [Небольсин 1852: 54]. Курительные трубки были личной вещью, с которой практически не расставались. В калмыцкой песне «Алтар бичсн бичгм» (букв. Мое письмо, написанное золотом) рассказывается о раненом воине, который умирает в чужих краях и просит соратников передать его трубку жене. Так она узнает о его гибели. Возможно, что калмыки при захоронении покойных клали им и трубки, потому что верили в загробную жизнь и необходимость личных вещей в ней. Сходные представления были у тувинцев: «курительную трубку и табак клали только принадлежавшую лично умершему. Нельзя было положить

трубку, принадлежащую кому-нибудь из оставшихся в живых. Это могло вызвать преждевременную смерть человека» [Дьяконова 1975: 128]. На эту же мысль наводит и отсутствие трубок у калмыков, сохранившихся с более ранних времен и передаваемых по наследству.

Курительные трубки, которые сохранились до наших дней, были изготовлены в начале XX в.; большинство из них были утрачены во время нахождения калмыков в ссылке в восточных районах страны в 1943–1957 гг. Необходимо отметить, что во второй половине XX в. у калмыков хоронили покойных с личной трубкой, «чтобы мог курить свою трубку на том свете». Кроме того, в современной похоронной обрядности калмыков существует практика положения покойному его личных вещей, например, шапки, трости, курительной трубки и др., перед захоронением. Существует представление, что они могут ему понадобиться в иной жизни; оставление же привычных и любимых вещей умершего(ей) может стать причиной появления во снах родных для высказывания недовольства о необеспеченности его необходимым и просьбой «передать» запрашиваемое.

Для раскуривания трубки в традиционном быту мужчины за пределами жилища использовали огниво, которое было на поясе вместе с другими обязательными предметами, например, ножом и пороховницей. Ношение подобных предметов на традиционном поясе было прерогативой мужчин (фото 6).

Фото 6. Традиционный мужской пояс для охоты.

И. С. Ковалев «Калмыцкий народный орнамент»

[Photo 6. Traditional men's hunting belt (reprint; original in: Kovalev I. Kalmyk Folk Ornament)]

Огниво кет «имело форму металлического или кожаного ящика или портсигара; к верхней части его прикреплены кожаные пуговицы и петля, которыми захватывается за пояс, а за нижней находится кусок стали; внутри 'кете' хранятся огниво и трут» [Житецкий 1893: 12]. Огниво для украшения оправлялось в серебро. Вариантом было ношение огнива, кремня и трута в кожаном мешочке, который засовывался за пояс [Каталог 1902: 19] (фото 7).

Фото 7. Огниво кет.

И. А. Житецкий «Очерки быта калмыков Астраханской губернии».

1893. Таблица 6.

[Photo 7. Tinderbox ket (reprint; original in: Zhitetsky I. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. 1893. Table 6)]

Кисеты для хранения табака шили из ткани и кожи в основном девушки. Они были красиво украшены, поэтому по внешнему виду можно было судить о мастерстве девушки. По форме они были различными: например, по сведениям П. И. Небольсина, «кисет с табаком; он делается из двух кошелей с общими для обоих шнурками» [Небольсин 1852: 54].

По утверждению С. Г. Батыревой, у калмыков кисеты для табака были и в виде плоского мешочка с острым дном и узким перехватом посередине. Здесь крепили тонкие ремешки с низками белых и голубых бус, заканчивавшихся кожаными кисточками. Как считает исследователь, такая форма и декор кисета сходны с подобными изделиями народов Сибири [Батырева 2006: 42].

Прочно войдя в жизнь калмыков, курение стало одной из форм коммуникативного поведения. Выработался целый комплекс действий и представлений, связанных с процессом курения, курительными принадлежностями, этикетом. Как отмечал Н. И. Львовский, зависимость от табака и привычка курить постоянно привела к тому, что «калмык не разлучается с трубкой даже во время верховой езды. Только при отправлении своих религиозных обрядов и при посещении хурулов он на время расстаётся с любимой трубкой» [Львовский

1893: 31]. Калмык также не имел права входить в чужую кибитку с трубкой во рту. *«Даже детям не разрешаются подобные вещи. Если кто-нибудь нечаянно вошел в кибитку с трубкою во рту, то он обязан выйти из нее, вынуть ее изо рта и только после этого опять войти»* [Душан 2016: 64]. Если пришедший в жилище гость был родственником и однохотонцем, то мог войти, *«спокойно садится на место согласно национальному этикету, закуривает трубку, принимает участие в разговоре, как у себя в кибитке»* [Житецкий 1893: 33]. Если же это был путник или высокий гость, то принято было раскуривать ему курительную трубку. Трубку гостю должен был раскурить и подать младший в семье или сама хозяйка в отсутствие таковых. Для раскуривания трубки в пределах жилища использовался огонь из домашнего очага, что способствовало возникновению представлений о временном единении курящих, аналогично «питанию из одного котла / употреблению пищи, приготовленной на огне очага семьи», на время становятся близкими людьми. «Пищей» в данном случае служил табак, которым гостей угощали хозяева жилища. Калмыки процесс раскуривания трубки называют *тамк нерлһн* (букв. варение табака). Традиции гостеприимства предполагали угощение зашедшего гостя табаком и чаем, если гость торопился и не мог остаться, то, уходя, бросал в огонь очага кизяк, что приравнивалось к проведению совместного чаепития и угощения табаком.

Каждая семья имела и оберегала свой очаг, поэтому *«никогда калмыки не дают огня из своей трубки закуривать другому. Полагают, что такая вещь способствует ссоре с данным лицом и, кроме того, души этих двух лиц после смерти никак не могут разъединиться на том свете. От этого они сильно страдают»* [Душан 2016: 192]. Как отмечал И. А. Житецкий, *«очаг служит не только для изготовления пищи и согревания обитателей кибитки в холод, но он есть вместе с тем и жертвенник семьи... вот почему калмыки, которые при курении отплевываются во все стороны, никогда не позволяют себе плюнуть в огонь очага»* [Житецкий 1893: 18].

У калмыков младший ребенок в семье назывался *отхон*, что указывало на его связь с культом огня и хозяйкой огня, поэтому он раскуривал трубку гостю, или в его отсутствие это делала мать как хозяйка-хранительница этого очага. Младший сын оставался

жить с родителями как наследник и хранитель домашнего очага, через него осуществлялась, согласно народным представлениям, преемственность поколений¹. Связь очага и молодого поколения хорошо прослеживается на древней традиции наказания *«виноватых в неповиновении родителям, грубости и дерзости родственникам и старшим, по летам и званию, людям, наказывали ногайками, и, вымарав лицо сажеей, водили, с таганом на шее, по хотону, кругом каждой кибитки. Это наказание носило название тавын-яма-татхо 'осрамление посредством пятерни', потому что наказывающий брал на руку сажии из-под котла и целой пригоршней размазывал ею по лицу виноватого»* [Небольсин 1852: 111].

Чаша для табака называется у калмыков не только *ханзин толһа* (букв. голова трубки)², но и *ханзин хээсн* (букв. котел трубки). Сам процесс прикуривания трубки обозначается фразой *ханзна хээснд тэмк нерх* (букв. варить табак в котле трубки). Котел в повседневном традиционном быту использовался для приготовления различных видов пищи. Интересен существовавший у калмыков обычай для сохранения жизни ребенку: если он был слаб, и предыдущие дети умирали, то его непродолжительное время держали в котле на огне семейного очага. Обычай обосновывался представлением, что *«вареное — антипод сырого»*, что таким образом он *«доделывается/доваривается»*, заново рождается. В поминальной обрядности калмыков запах дыма ассоциировался с запахом мира людей, и для кормления души покойного в огонь бросали жир, масло, благовония, готовили поминальную пищу. Во взаимосвязи *«очаг-огонь-трубка-*

¹ В современном детском цикле у калмыков практикуется шуточная игра «Понюхать табачок», участником которой являются мать ребенка, бабушка (отец ребенка не имеет права принимать участие в этой игре), маленький мальчик до 1,5 лет. В этой игре ярко выражен гендерный аспект воспитания детей у калмыков. Происходит это так: когда меняют белье у ребенка, то делают вид, что обнюхивают его пах, не касаясь тела, потом морщатся, показывая неприятные эмоции, и говорят *чишь, тэмкин унр* (букв. фууф, как пахнет табаком). Во втором варианте наоборот: обнюхивают пах и говорят *э, тэмкин унр* (букв. ах, запах табака), показывая, что запах очень нравится. В обоих случаях после первого акта игры в шуточной форме просят ребенка еще раз «дать понюхать табачок». В этой шуточной игре несколько значимых аспектов: во-первых, игра построена на ассоциации формы курительной трубки и мужского полового органа; во-вторых, эти действия разрешены матери и бабушке, которые занимаются его воспитанием, через действия в этой игре акцентируется внимание на половой принадлежности ребенка; в-третьих, формируется круг ассоциативных символов, где запах табака напрямую связан с близкими, домом, привычной жизнью, миром людей.

² В калмыцких загадках курительная трубка сравнивается с головой: *өрүн босад, өвкинн толһа хуухлэс* (*ханзд һал кеж татх*) (букв. встав утром, обсмолил голову прадеда), *өрүн босад захсна толһа хуухлэс* (*ханзд һал кех*) (букв. встав утром, обсмолил рыбью голову).

дым» находился и ритуал, предшествующий сказанию и отгадыванию триад¹. Перед произнесением триад существовал ритуал: внук раскуривал и подносил деду трубку [Калмыки 2010: 342]. Дым, идущий из трубки, воспринимался как жертвоприношение небу, которое благословляет сказителя, в произносимых триадах описывающего мироздание. У монгольских народов перед исполнением героического эпоса сказители-рапсоды также курят трубку.

Рассматривая традиции гостеприимства калмыков, нельзя не коснуться вопроса отсутствия у них табакерок, широко распространенных в Монголии и Туве. Табакерки и нюхательный табак распространились у монголов и тувинцев в начале XVII в. в качестве лечебного средства, потом стали одним из проявлений гостеприимства как одно из культурных влияний Китая. Большое значение для распространения табакерок имело то, что регионы были богаты различными минералами, местные монгольские и тувинские мастера наладили собственное производство табакерок по прототипам китайских. Появлению традиции обмена табакерками предшествовали курительные трубки, которыми монголы и тувинцы обменивались как символом гостеприимства. Несмотря на наличие практики обмена табакерками, в повседневном быту также использовали курительные трубки для табака: *«церемония обмена табакерками закончена. Хозяин и гость закуривают каждый свою трубку, набивая ее табаком из собственного кисета»* [Жуковская 2002: 143]. У калмыков, по нашему мнению, обмен табакерками как культурная традиция отсутствовал по нескольким причинам: в XVII в. калмыки уже проживали в России и не были подвержены китайскому влиянию; в новых природно-климатических условиях отсутствовали минералы, из которых можно было бы наладить собственное производство табакерок, а привозные стоили очень дорого, соответственно, не были востребованы.

Практика табакокурения и ее взаимосвязь с родственным коллективом проникла и в обрядовую практику калмыков. При выборе невесты близкий родственник жениха мог прибыть к ее родителям

¹ Триады — особая форма загадок, в вопросительной части которых называется какой-нибудь один признак, а ответ представляет собой своеобразный перечень предметов и явлений, обладающих этим признаком. В таких загадках главное — помнить традиционное множество объектов с названным признаком. Количество триад достигало 99 и было кано-низировано.

как путник, пока угощался чаем и курил трубку нег *һанзин нерлһнд бәәв* (букв. был, пока варилась одна трубка табака), мог спокойно рассмотреть потенциальную невесту, так как традиции гостевого этикета и церемоний не требовали спешки. На прибывших сватов от нежелательного кандидата родители не обращали внимания и *«даже не раскуривают ему обычной трубки и не поят чаем, а предлагают уйти со своим подарком»* [Душан 2016: 120]. Таким образом показывали, что не желают пускать их в круг своих родственников, имеющих нег *һулмт* (букв. один/общий очаг).

В предсвадебном этапе күрг үзүллһн (букв. показ жениха) о достоинствах и недостатках жениха судили по его товарищам, поэтому последние старались максимально продемонстрировать свои знания и умения. Так, в одной из фигур танца «Хавчур» (букв. зажим, тиски), *«наиболее ловкий юноша обхватывал ногами талию своего товарища, после чего, приблизившись к старшему свату 'ахлаци', брал у того трубку, кисет и, свешиваясь головой вниз, набивал трубку табаком, закуривал ее и затем возвращал хозяину»* [Бадмаева 1992: 24].

Особое значение в свадебной обрядности калмыков приобрел кисет для хранения табака. Невеста дарила сшитый ею кисет своему будущему жениху на смотринах жениха күрг үзүллһн. После сватовства родители невесты устраивали девичники, на которые приходили родные и соседи-однохотонцы, в числе подарков от которых были обязательно кисеты для табака. Дальних родственников невеста объезжала с прощальными подарками, в число которых также входили кисеты. От них она получала кисеты, платки, отрезы на платье и другие подарки, которые в последующем считались частью приданого. После свадьбы невеста раздавала привезенные кисеты родственникам жениха. По нашему мнению, такой обмен кисетами с родственниками символизировал поддержку родного коллектива и указание на единство происхождения, нег *һулмта* 'единство очага'. Раздача кисетов родным жениха символизировала единение через огонь очага, но уже с новыми родственниками.

Несомненно, что в начале знакомства с табаком калмыки, как и другие народы, курили «китайский шар» — различные сорта китайского табака, отличавшиеся по цвету и качеству. Можно предположить, что длительное время в течение всего XVII в. они про-

должали курить китайский табак, приобретаемый в ходе меновой торговли или на различных рынках. Со временем стали приобретать табак, продаваемый близ кочевий — в Самаре, Саратове, Астрахани и других местах, выращенный на местных плантациях. Со второй половины XVIII в. в колонии немцев-переселенцев Сарепта стали выращивать сорт табака, который имел название «калмыцкий» [Медведев 2002: 127].

Выращивание табака калмыками напрямую связано с развитием земледелия в Калмыцкой степи. М. М. Батмаев, изучавший зачатки занятия земледелием калмыками в начале XVIII в. на основе архивных материалов выявил, что в 1711 г. Аюка-хан обращался астраханскому коменданту М. И. Чирикову за помощью, чтобы *«сделать совсем чигир, поливать просо и табак»* [Батмаев 1982: 17].

Позднее, в 1742 г., по сведениям, представленным Дондук-Даши, калмыки, кочующие в морских косах за Красным Яром, сеяли близ своих кочевий просо и табак [Батмаев 1982: 18]. О дальнейшем развитии табаководства в Мочагах Каспийского моря в 1748 указано в отчете К. И. Костенкова [Карагодин 1983: 110]. Об этом же упоминает П. С. Паллас, посетивший Калмыцкие степи во второй половине XVIII в.: *«...сказывают, что ныне некоторые из ордынских калмыков поселились близ Каспийского моря для рыбной ловли и начали разводить табак, который они весьма любят»* [Паллас 1773: 472]. В 1756 г. в своих кочевьях Дондук-Даши разбил сад, в котором также выращивал табак вместе с дынями и арбузами.

Исследователи, занимавшиеся вопросами развития земледелия в Калмыцкой степи, отмечали, что к 60-м гг. XIX в. определился набор культивировавшихся сельскохозяйственных растений, в котором наряду с зерновыми, огородными и бахчевыми культурами обязательно сажали табак. Так, еще в начале 20-х гг. XIX в. *«багацохуровский Тукчи-гецуль на урочище Хара-Токе... выращивал пшеницу, просо, табак, арбузы, дыни»* [Карагодин 1983: 102]. Природно-климатические условия и наличие водных источников способствовали тому, чтобы посевы табака давали результат в Малодербетовском, Хошеутовском, Большедербетовском улусах и Мочагах, *«в остальных частях степи все посевы будут пропадать от засухи бесследно»* [Калмыцкая степь... 1868: 152]. По сведениям, которые предоставил нойон Тюмень в 1850 г., его люди занимались

выращиванием табака на Табун Аральской земле, в местности по обоим берегам Волги, где кочевал Хошеутовский улус [Пальмов 1932: 99].

В целях поддержания табаководства в Калмыцкой степи в 1845 г. из Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ было прислано 4 фунта табачных семян, которые были розданы по улусам. В 1847 г. нойону Тундутову были переданы семена табака *«мориландского (15 столовых ложек) и виргинского (2 ложки)»* [Карагодин 1983: 110].

Но наибольший результат в посадках табака был достигнут в Малодербетовском улусе на Ергенинских возвышенностях. В улусе плантации табака располагались по балкам вблизи родников, вода из которых использовалась для полива. В 1844 г. на малодербетовских плантациях табака *«было собрано 583,5 пуда табака, а в следующем — 600 пудов»* [Карагодин 1983: 110]. Об успехах выращивания табака в Малодербетовском улусе говорят следующие данные: *«в 1850 году с 11 десятинной плантации было собрано 1 570 пудов 20 фунтов табака, а в 1852 году на участке в 23 десятины уродилось 1 930 пудов»* [Карагодин 1983: 110]. В 1863 г. в северной части улуса с 10 десятин было снято, по одним сведениям, 1200 пудов табака [Карагодин 1893: 110], по другим — около 2 тысяч пудов табака [Калмыцкая степь... 1868: 150; Бурчинова, Команджаев 1989: 91]; в южной части улуса посевы табака были уничтожены саранчой и полевыми кузнечиками [Эрдниев 1964: 51].

Спустя 20 с лишним лет в 1887 г. число табачных плантаций в этом улусе увеличилось вместе с овощными и достигало около 100. К 1890 г. табаководством в ергенинских балках занималось 125 кибиток, и каждая калмыцкая семья возделывала от 1/12 до 1/3 десятины, получая доход в среднем от 100 до 200 рублей. Хорошие результаты в табаководстве в этот же период были достигнуты в Большедербетовском улусе: в 1888 г. табачная плантация зайсанга Л. Опогинова достигала 30 десятин земли [Бурчинова, Команджаев 1989: 89].

М. М. Батмаев отмечал, что *«калмыки перенимали навыки и опыт земледельческих работ у своих оседлых соседей, но, научившись, они продолжали занятия самостоятельно и не в столь малых размерах»* [Батмаев 1982: 17]. Это относилось не ко всем улусам, в

большинстве из них были единичные или небольшие по размерам плантации табака. Наибольшие площади плантаций были только в Малодербетовском улусе. Так, в 1902 г. здесь имелось 96 плантаций, занимавших площадь в 120 десятин, в 1903 г. — 118 плантаций, площадью 153 десятины [Бурчинова, Команджаев 1989: 106].

В 1890 г. В. А. Хлебников подготовил доклад «О состоянии табакосадоводства в северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии» [Хлебников 1892: 300–315]. Эти материалы ценны тем, что в них В. А. Хлебников достаточно подробно описал способы посадки табака и ухода за ним: *«Семена выращиваются на особой удобренной навозом и вскопанной лопатой грядке в конце апреля. Всходы пересаживают на плантацию в конце мая. В случае гибели или всходов, рассадка последних на плантации продолжается до конца июля. Плантация перед посадкой рассады взрыхляется плугом, уравнивается и разбивается лопатой на грядки около 5 футов шириной. На каждую погонную сажень такой грядки садится средним числом 8 корней... со времени посева до уборки табаку постоянно выпалывается с грядок сорная трава, обираются черви и ломаются пасынки (боковые ветви). Полив производится одними через день, другими — реже, но во всяком случае не менее одного раза в неделю. Для такого ухода достаточно одного мужчины и одной женщины на 1/3 десятины, если они хорошие работники и никуда от плантации не отлучаются. При этом мужчина работает почти ежедневно, а женщина помогает ему во время, свободное от домашних занятий. Поспевает табак в конце августа и начале сентября»* [Хлебников 1892: 300].

Правда, остается неизвестным: были ли знакомы с таким способом посадки табака предки калмыков — ойраты — еще в Центральной Азии, либо освоили уже с развитием земледелия у калмыков на новой территории в степях Нижнего Поволжья. В пользу последней версии говорит тот факт, что в вышеуказанных примерах калмыки на протяжении XVIII в. земледелием не занимались, но сажать табак пытались. Кроме того, табак стал активно распространяться в России в XVII в. и длительное время был ходовым товаром, доставлявшимся купцами. В это же время калмыки только пришли в приволжские степи, где занимались экстенсивным скотоводством, но уже активно практиковали курение табака. Заинтересованность

в выращивании табака калмыками объяснялась также тем, что они *«употребляли (табак. — Т. Ш.) для обмывания овец после осенней стрижки, который служил хорошим профилактическим средством предупреждения заболеваний и падежа»* [Бурчинова, Команджаев 1989: 83].

Часто табак использовали как лекарственное средство: *«Все калмыки старожилы уверяют, что они через табакокурение спаслись от цынги и зубной боли. По их мнению, табакокурение предохраняет от гниения десна и зубы. Для сего некоторые из них жуют листовую махорку, иные же натирают нюхательным табаком зубы и десна. Но нюхальщиков нет»* [Львовский 1893: 31]. Считалось, что *«курение его (табака. — Т. Ш.) необходимо для калмыков как анти-скорбутное средство»* [Калмыцкая степь... 1868: 150].

В. А. Хлебников подробно описал дальнейшую переработку табачных листьев для хранения и продажи: *«каждый куст дает, средним числом, 6–7–8 листьев табаку, годного к употреблению. Собранные листья нанизываются для сушки на нитки, по просушке вяжутся в пучки (бодык) по 5 листьев больших или по 6 средних или по 7 малых, бодыки связываются по 10 в большие пучки (багла). Каждая багла весит приблизительно фунт, если отбросить толстые, негодные к употреблению концы корешков листьев и перевязку. Багла продается на месте»* [Хлебников 1892: 302]. Так, большой сбор табака в 1863 г. в Малодербетовском улусе был продан *«между калмыками того же улуса, а часть продана в Сарепту»* [Калмыцкая степь... 1868: 150]. Один пучок табака стоил 10–12 коп. Учитывая то, что табак употребляли в Калмыкии повсеместно, и каждая кибитка тратила ежегодно до 15 руб. на покупку табака, табаководство, вероятно, приносило немалый доход владельцам табачных плантаций. Принимая во внимание, что производство табака только в северной части Малодербетовского улуса не могло удовлетворить потребности всего населения Калмыкии, табак ввозили извне, который продавался в стационарных торговых заведениях и в развоз.

В материалах Кумо-Манычской экспедиции, проведенной в конце XIX в., указывалось, что калмыки сажают *«простого табаку — махорки»* [Калмыцкая степь... 1868: 150], продавали на местах, реже — в соседних селах. Махорка распространялась одновременно

с табаком, была дешевле и широко востребована, несмотря на то, что табачная продукция заводского производства в Российской империи в XIX в. активно занимала свои позиции среди населения. По утверждению Н. В. Львовского, изучавшего быт калмыков в конце XIX в., *«калмыки простолюдины курят махорку различных фабрикантов: Дунаева, Семенова и др. Аристократия и богатые хуvaraки курят высшие сорта табаку и уже не из трубки, а из мушкетука в виде папироски»* [Львовский 1893: 31].

«Уже в первые годы Советской власти... передовая общественность Калмыкии объявила кампанию по борьбе с «вредными традициями и обычаями калмыков». К их числу были отнесены ношение камзола, ранние браки, раскуривание общей трубки, употребление круговой чаши и другие обычаи, не отвечавшие зачастую самым элементарным санитарно-гигиеническим нормам. Они отрицательно сказывались на здоровье, особенно детей» [Дарбакова 1977: 92–93]. В результате проведения широких санитарно-оздоровительных мероприятий и профилактической работы в этот период заметно снизились заболевания глаз, органов дыхания, высокая смертность новорожденных, социальные болезни (бытовой сифилис), но калмыки курить меньше не стали, что было связано с сохранением традиций в быту.

В России в начале XX в. махорка практически вытеснила табак с рынка, чему немало способствовала низкая цена и большой спрос на нее. Ее и жевали, и курили. К началу 40-х гг. XX в. спрос на махорку снова возрос, хотя с развитием табачной промышленности в 1930-х гг. она заметно уступила свои позиции производству сигарет. Во время войны и после нее махорка входила в состав солдатского довольствия, относилась, наряду с некоторыми продовольственными продуктами, к стратегическому запасу страны. С середины XX в., начиная с послевоенного восстановительного периода, в СССР стал культивироваться здоровый образ жизни, и все усиливающаяся пропаганда вреда курения привела к тому, что мужчины еще могли курить, а женщины практически перестали. Вместе с тем отечественная табачная промышленность вплоть до конца 80-х гг. обеспечивала население сигаретами и махоркой.

В период с 1943 по 1957 г. калмыки были незаконно высланы в восточные районы страны, за этот период было многое утрачено

в духовной и материальной культурах, изменился быт. Долгое время воспринимавшие курение как одну из культурных традиций калмыки в новых условиях были лишены его в первое время. С налаживанием быта те, кто привык к курению с детства, получили возможность «вернуться к привычке». К этому времени многие либо успели выменять курительные трубки за продукты ввиду отсутствия табака, либо просто утратили их. Суровые условия, в которые попали калмыки, вынуждали прибегать к различным адаптивным практикам. Мужчины стали больше курить самокрутки из табака или сигареты. Женщины, привыкшие курить в традиционном быту в пределах своего жилища, не могли позволить себе делать это в чуждых для них условиях, часто просто стеснялись курить, даже если табак или махорка были доступны. По нашему мнению, жевание махорки заменило курение по нескольким причинам: нужно было экономить имеющиеся запасы; прибегали к ней как лечебному средству от цинги; как-то скрадывало время при выполнении большого объема различных работ в течение дня.

После возвращения калмыков из Сибири редко кто курил трубки: мужчины если и курили, то сигареты или папиросы, женщины среднего возраста и пожилые больше жевали табак. Популярной у них вплоть до 80-х гг. XX в. была махорка Моршанской табачной фабрики, которая в годы Великой Отечественной войны обеспечивала Красную армию табаком, а также табачных фабрик Саратова, Усмани, Ярославля.

Фото 8. Махорка курительная. Крупка высшего качества. Табачный комбинат, Моршанск. 1968 г¹.

[*Photo 8.* Rustic tobacco (makhorka). Top-quality chopped leaves. Morshansk Tobacco Factory. 1968]

¹ Махорка курительная. Табак СССР. Крупка высшего качества. РСФСР. Рославтабак. Табачный комбинат, Моршанск. 1968 г. [электронный ресурс] // Мешок. Стритмаркет. URL: <https://streetmarket.ru/?ut%5B%D=МАХОРКА+МОРШАНСК> (дата обращения: 20.08.2019).

Фото 9. Продукция табачно-махорочной фабрики г. Усмани¹
 [Photo 9. Products of Usman Tobacco-and-Makhorka Factory]

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все вопросы, связанные с традицией табакокурения у калмыков. Тем не менее, анализ материалов из различных источников позволяет сделать нижеследующие выводы. Калмыки познакомились в XVI – начале XVII в. с практикой табакокурения, которая широко распространялась в тот период в Центральной Азии, Сибири, Прибайкалье. Меновая торговля, которой занимались калмыки в XVII–XVIII вв., обеспечивала их необходимым табаком и курительными принадлежностями. Калмыцкие курительные трубки до настоящего времени сохранили форму, характерную для XVI – начала XVII в. Традиция обмена табакерками, интегрированная монголами и тувинцами под влиянием китайцев в XVII в., не стала культурной традицией у калмыков по ряду причин: в XVII в. калмыки уже проживали в России и не были подвержены китайскому влиянию; в новых природно-климатических условиях отсутствовали минералы, из которых можно было бы наладить собственное производство табакерок, а привозные стоили очень дорого, соответственно, не были востребованы.

Курение стало одной из форм коммуникативного поведения у калмыков, благодаря чему выработался целый комплекс действий и представлений, связанных с процессом курения, курительными принадлежностями, этикетом. Табак в традиционном калмыцком

¹ Махорка, крупка курительная № 3, легкая [электронный ресурс] // Госагропром РСФСР. Усманская табачно-махорочная фабрика. 50 гр. Дата выработки – 1987 год / Махорка СССР. URL: https://starina.ru/item/56797172_; http://foto.a-le.ru/?attachment_id=2285 (дата обращения: 20.08.2019).

обществе был символом гостеприимства и знака уважения. Социальная и бытовая организация калмыков в XVII–XIX вв. способствовали сложению представлений о взаимосвязи процесса курения с единением родственного коллектива, символикой очага, преемственностью поколений, культом предков.

Курение как культурная практика нашла отражение в обрядовой сфере калмыков. Символика табака прослеживается в традиционной свадебной обрядности калмыков в контексте налаживания новых родственных отношений.

В XIX в. калмыки занимались активно табаководством, хотя попытки разведения табака отслеживаются на протяжении всего XVIII в. С середины XX в. традиционные способы курения табака у калмыков были практически утрачены, вышли из употребления и традиционные курительные трубки.

Литература

- Бадмаева 1992 — Бадмаева Т. Б. Калмыцкие танцы и их терминология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 96 с.
- Батмаев 1982 — Батмаев М. М. Первые опыты земледелия у калмыков в XVIII веке (до 1771 г.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 15–26.
- Батырева 2006 — Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 160 с.
- Беликова, Зинченко 2012 — Беликова О. Б, Зинченко А. С. Курительные аксессуары XVII–XIX вв. таежного Причулымья (юг Западной Сибири): трубки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 93–105.
- Бурчинова, Команджаев 1989 — Бурчинова Л. С., Команджаев А. Н. От феодализма к капитализму. История экономического развития дореволюционной Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 136 с.
- Дарбакова 1977 — Дарбакова В. П. Национальные традиции калмыков и формирование современных обычаев и обрядов в Калмыцкой АССР // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 92–100.
- Дуброва 1998 – Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

- Душан 2016 — Душан У. Д. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Дьяконова 1975 — Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- Житецкий 1893 — Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1893. 87 с.
- Жуковская 2002 — Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие. М.: Вост. лит., 2002. 274 с.
- Калмыки 2010 — Калмыки. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Калмыцкая степь 1868 — Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Издание Министерства государственных имуществ, 1868. 341 с.
- Карагодин 1983 — Карагодин А. И. Развитие земледелия у приволжских калмыков в первой половине XIX века // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 101–121.
- Каталог 1902 — Одежда и ремесла астраханских калмыков. I Международная выставка исторических и современных костюмов // Каталог отдела одежды. Астрахань, 1902. 38+XIX с.
- Львовский 1893 — Львовский Н. В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы: происхождение и история // Ученые записки императорского Казанского университета. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1893. 119 с.
- Медведев 2002 — Медведев В. Н. Табаководство в немецких колониях Нижнего Поволжья XVIII–XX вв. // Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья: сб. науч. ст. Волгоград: [б. и.], 2002. С. 125–136.
- Мятлева, Дашибалов 2011 — Мятлева Е. Ю., Дашибалов Б. Б. Китайские влияния в культуре бурят XVII – XIX вв. (на примере курительных трубок) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 186–191.
- Небольсин 1852 — Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев 1834 — Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 290 с.
- Паллас 1773 — Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1773. 657 с.

- Пальмов 1932 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань: Калм. обл. испол. ком., 1932. Ч. 5: Дела земельные. 185 с.
- Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Чыргалан 2019 — *Чыргалан С. Ю.* Китайское влияние в культуре тувинцев: традиции табакокурения и табакерки // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 78–82.
- Титов 1890 — *Титов А.* Сибирь в XVII веке: сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях с приложением снимка со старинной карты Сибири. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. 216 с.
- Харинский 1995 — *Харинский А. В.* О появлении курительных трубок и табака в Прибайкалье // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во ИРПУ, 1995. С. 207–217.
- Хлебников 1892 — *Хлебников В. А.* О состоянии табаководства в северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1892. С. 300–315.
- Хонинов 2008 — *Хонинов М. В.* Наши бабушки курят трубки // Теегин герл. 2008. № 1. С. 44–46.
- Шаповалов 2000 — *Шаповалов А. В.* Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. С. 107–121.
- Эрдниев 1964 — *Эрдниев У. Э.* К истории земледелия у калмыков // Записки. Вып. 4. Сер. Историческая. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. С. 47–60.
- Эрендженев 1980 — *Эрендженев К. Э.* Цецн булг / на калм. яз. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1980. 190 с.

References

- [Materials of the Kuma-Manych Research Expedition: Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate]. St. Petersburg: Ministry of State Property of Russian Empire, 1868. 341 p. (In Russ.)
- [The Kalmyks]. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (eds.). Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Badmaeva T. B. [Kalmyk Dance and Its Terminology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1992. 96 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Crop farming among the Kalmyks: earliest 18th-century experiences (before 1771). In: [Pre-Revolutionary Kalmykia: Issues of

- Agrarian History]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 15–26. (In Russ.)
- Batyreva S. G. [Kalmyk Folk Decorative and Applied Arts: 19th – early 20th Centuries]. Elista: Dzhangar, 2006. 160 p. (In Russ.)
- Belikova O. B, Zinchenko A. S. 17th-19th-century smoking accessories from the taiga zone of the Chulym River Valley (south of Western Siberia): pipes. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2012. No. 2 (17). Pp. 93–105. (In Russ.)
- Burchinova L. S., Komandzhaev A. N. [From Feudalism to Capitalism: a History of Pre-Revolutionary Kalmykia's Economic Development]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1989. 136 p. (In Russ.)
- Chyrgalan S. Yu. The Chinese influence on the Tuvinian culture: tobacco smoking and smoking accessories. *Manuscript*. 2019. Vol. 12. No. 7. pp. 78–82. (In Russ.)
- Clothes and handicrafts of Astrakhan Kalmyks. In: [1st International Exhibition of Historical and Modern Costumes: Catalogue of the Clothes Department]. Astrakhan, 1902. (In Russ.)
- Darbakova V. P. Kalmyk national traditions and the shaping of modern customs/ rituals in the Kalmyk ASSR. In: [Lamaism in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 92–100. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. [Kalmyks of Stavropol Governorate: Everyday Life before the Law of 15 March 1892]. 2nd ed. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. [Selected Works]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. 376 p. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. [Tuvan Funeral Rites as a Source for Historical and Ethnographic Research]. Leningrad: Nauka, 1975. 164 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. History of crop growing among the Kalmyks revisited. In: [(Scholarly) Notes]. Vol. 4. Ser. 'History'. Elista: Kalmyk Book Publ., 1964. Pp. 47–60. (In Russ.)
- Erendzhenov K. E. [The Spring of Wisdom]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 190 p. (In Russ.)
- Karagodin A. I. Development of crop farming among the Kalmyks: early-to-mid 19th century. In: [Pre-Revolutionary Kalmykia: Social System and Socio-Political Development]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 101–121. (In Russ.)
- Kharinsky A. V. Revisiting the emergence of smoking pipes and tobacco in Cisbaikalia. In: [Baikal Siberia in Ancient Times]. Coll. articles. Irkutsk: IRPU, 1995. Pp. 207–217. (In Russ.)

- Khlebnikov V. A. About present-day conditions of tobacco growing in the northern part of Maloderbetovskiy Ulus, Astrakhan Governorate. In: [Peter the Great Research Society of Astrakhan Governorate: Collected Works]. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. Pp. 300–315. (In Russ.)
- Khoninov M. V. Our grandmothers smoke pipes. *Teegin gerl*. 2008. No. 1. Pp. 44–46. (In Russ.)
- Lvovsky N. V. Kalmyks of Bolshederbetovskiy Ulus (District) and Kalmyk Buddhist temples: origins and history. In: [Scholarly Notes of the Imperial Kazan University]. Kazan: Imperial Kazan University, 1893. 119 p. (In Russ.)
- Medvedev V. N. Tobacco growing in the Lower Volga German colonies: 18th – 20th cc. In: [The Lower Volga Region: Historical and Ethnocultural Development]. Coll. articles. Volgograd, 2002. Pp. 125–136. (In Russ.)
- Myatleva E. Yu., Dashibalov B. B. The Chinese influence over the Buryat culture of the XVII – XIX centuries (by way of the smoking pipes *ganza* illustrations). *The Buryat State University Bulletin*. 2011. No. 8. Pp. 186–191. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. [Kalmyks of Khosheutovskiy Ulus: Sketches of Everyday Life]. St. Petersburg: Karl Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nefediev N. A. [Detailed Data about the Volga Kalmyks Collected on Site]. St. Petersburg: Karl Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. [A Journey across Different Provinces of the Russian Empire]. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1773. 657 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [The Volga Kalmyks: Historical Essays]. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1932. Part 5: ‘Land Affairs’. 185 p. (In Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. [Traditional Household Activities of the Kalmyks: an Explanatory Dictionary]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)
- Shapovalov A. V. Tobacco in Western Siberia: 17th – 18th cc. In: [Alien – Strange – Our: Observations of Cultural Interactions]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2000. Pp. 107–121. (In Russ.)
- Titov A. [Siberia in the 17th Century: Collected Old Russian-Language Articles about Siberia and Adjacent Lands Supplemented with a Picture of an Old Map of Siberia]. Moscow: L. and A. Snegirevy, 1890. 216 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. [Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life (Ethnographic Observations of 1884–1886)]. Moscow: M. G. Volchaninov, 1893. 87 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. [Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols]. Moscow: Vost. Lit., 2002. 274 p. (In Russ.)